

— Приветствуем господина уездного судью! — многоголосый хор единым порывом разорвал дорожную тишину, заставив Ду Мина ошеломлённо застыть.

— Поднимитесь же! Прошу вас, поднимитесь! — Ду Мин торопливо спустился с подножки экипажа и растерянно обратился к стоявшему впереди офицеру: — Вице-генерал Ван... Что всё это значит?

Естественно, первым делом он обратился именно к нему.

Вице-генерал Ван носил чин младшего генерала и ведал всеми насущными делами в войске. Командовал Северным военным лагерем великий генерал Цао Кай, также известный как Цао Дакай. Однако ещё до начала весенней вспашки главнокомандующий отбыл с инспекцией по двадцати восьми пограничным заставам, оставив Вана присматривать за лагерем. Оставлять вверенный пост без веской причины младшему генералу строго воспрещалось.

— Перед отъездом великий генерал особо напутствовал меня, — заговорил вице-генерал Ван, почтительно сложив руки в приветствии. — Он велел передать, что раз уж нам довелось плечом к плечу проливать кровь в бою, мы не можем проводить вас без должных почестей. Пусть сам он сейчас далеко, но от его имени и от лица всего лагеря я прибыл проводить вас в путь. К тому же уезжаете вы недалеко. Надеюсь, в будущем господин префект Ду не оставит нас своей благосклонностью! Я здесь лишь ради этого скромного прощания.

— Премного благодарен великому генералу за память, — тепло улыбнулся Ду Мин, тронутый до глубины души. — Впереди у нас ещё долгие годы совместной службы, так что потрудиться на благо края мы успеем.

Вице-генерал Ван с улыбкой отступил в сторону, предоставив судье самому разбираться с остальными. Офицеру и самому было жгуче интересно, зачем сюда явилась эта огромная толпа простых крестьян.

— Староста трех деревень Дин, староста трех деревень Ху, староста трех деревень Го... — Ду Мин перевёл взгляд на стоявших впереди стариков. — Уважаемые старейшины, как вы здесь оказались?

Из всех подвластных ему земель ныне оставалось лишь трое этих старост трех деревень — убелённых сединами, умудрённых опытом мужей, к которым уходящий судья всегда питал глубокое почтение.

— Случилось ли чего? — мягко, с неизменным терпением спросил он. — Пусть я и покидаю свой пост в связи с переводом в управу Бэйфэн, но это ведь повышение. Если уезд столкнулся с какими-то трудностями, говорите без утайки. Я всё ещё в силах вам помочь.

Действительно, до прибытия нового уездного судьи Ду Мин сохранял за собой всю полноту власти и мог разрешить немало насущных вопросов.

— Господин Ду, мы пришли лишь для того, чтобы проводить вас, — заговорил староста трех деревень Дин. Из всех троих он пользовался наибольшим почтением среди местных жителей, а потому его голос звучал твёрдо и веско. — Десять лет назад вы прибыли в уезд Бычьего Рога, став для нас истинным отцом-попечителем. Все эти годы вы трудились не покладая рук, радея о пашнях и нуждах простых людей. А шесть лет назад, будучи чиновником сугубо мирного звания, вы сплотили защитников уезда и поклялись стоять насмерть, разделив судьбу города. Те слова — «падёт крепость — погибнем и мы» — навек врезались в память каждого жителя уезда Бычьего Рога.

То давнее нашествие до сих пор являлось в кошмарах уцелевшим. В те страшные дни Ду Мин действительно не отступил ни на шаг. Даже когда враги прорвали внешние укрепления и ворвались на улицы, уездный судья продолжал держать оборону, вдохновляя гарнизон и дождавшись-таки подхода подкреплений.

Уезд Бычьего Рога занимал особое стратегическое положение — зажатый в узкой теснине между двумя хребтами, он служил естественным щитом, где один воин мог сдерживать тысячи. Прорви враг эти ворота, и лавина налетчиков хлынула бы на беззащитные внутренние равнины, неся гибель бесчисленным селениям. Понимали это и тогдашний военачальник гарнизона, и сам Ду Мин. В тот грозный час гражданский и военный чины, отринув рознь, объединили силы и буквально поставили свои жизни на кон, ведь за их спинами кричали от страха беззащитные женщины и дети.

В молодости Ду Мин был человеком горячим, полным искреннего рвения. Увы, его подвиг и пролитая кровь принесли славу и награды лишь вышестоящему начальству, которое без зазрения совести присвоило себе все лавры. Обида на несправедливость долгие годы жгла ему сердце, и лишь теперь, спустя столько лет забвения, справедливость восторжествовала, и он наконец получил заслуженное повышение.

Однако сейчас, когда эти старые крестьяне с таким благоговением вспоминали былую битву, в груди немолодого уже чиновника вновь вспыхнула прежняя юношеская гордость.

— Ду Мин лишь исполнил то, что велит долг предков и государя, — негромко произнёс он, стараясь сдержать подступивший к горлу комок. — Иначе поступить я не мог.

Оборона города навсегда осталась главным достижением его жизни. И если бы не последующая чиновничья изнанка, лишившая его иллюзий...

— Жители уезда знают, что вы покидаете нас ради высокой должности, — староста трех деревень Дин тепло улыбнулся. — Но мы молим вас: не забывайте свой уезд. Ибо люди Бычьего Рога никогда не забудут вашего подвига.

Старик обернулся и махнул рукой:

— Несите!

По этому знаку двое других старост трех деревень бережно вынесли из толпы нечто, напоминающее церемониальный зонт, какой обычно носят над высокими сановниками. Вот только это подношение было... соткано из лоскутов самых разных, пестрых цветов.

— Что это? — Ду Мин невольно нахмурился, хотя сердце его забилося чаще. — Добрые люди, даже в чине префекта я не имею права на цветной парадный зонт. Мне положен лишь скромный синий.

Простой люд мог не знать тонкостей придворного этикета и табеля о рангах, но чиновнику пренебрегать ими грозило суровым наказанием за узурпацию почестей.

— Мы знаем об этом, господин, — мягко ответил староста трех деревень Дин. — Это не парадный зонт вельможи и не чиновничий синий навес. Это — Зонт десяти тысяч имён.

— Зонт... десяти тысяч имён? — прошептал Ду Мин, чувствуя, как земля уходит у него из-под ног.

— Десять тысяч взрослых мужчин нашего уезда оставили на нём свои подписи. Десять тысяч семей пожертвовали для него лучшие отрезки новой ткани, а десять тысяч искусных мастериц сшивали их воедино, не смычая глаз три дня и три ночи, — дрожащим от подступающих слёз голосом объяснил старик. — Вы не раз рисковали жизнью ради спасения уезда Бычьего Рога, и у нас нет богатств, чтобы отплатить за ваше милосердие. Пусть же этот скромный зонт укроет вас от свирепого ветра, защитит от проливного дождя и подарит прохладу в самый знойный день. Его рукоять и спицы вырезаны из прочнейшего железного дерева — под стать вашей несокрушимой воле и железной стойкости.

Огромный купол, сшитый из бесчисленных разноцветных лоскутов, плавно раскрылся над головой Ду Мина, укрывая его от полуденного солнца и навсегда забирая в плен его сердце. На пестрых полосах материи ровными рядами чернели иероглифы — имена тех, кого он когда-то спас от неминуемой гибели.

— Ду Мин... вовек не забудет этого! — Судья низко, до самой земли поклонился старостам трех деревень, сложив руки в глубоком почтении, и больше не смог вымолвить ни слова, захлебнувшись безмолвными слезами признательности.

Даже бывалый вице-генерал Ван застыл как вкопанный, поражённый величием момента. В истории Великой Цин это был первый случай, когда уходящему чиновнику подносили подобный дар, и сила этой безмолвной народной любви потрясала до глубины души.